
О боевом коне

Очерки по истории конницы, 1941 — 1943

Александр Федорович Котс

Одно из первых мест в истории всех войн и большинства народов, место, не оспариваемое ни одним другим животным — занимала и доселе занимает **лошадь**.

Эта роль, это значение *коня* в истории войны настолько велика и так неоспорима, что еще в начале настоящего столетия возможно было бы безоговорочно сказать: «Без лошади немыслимо ведение войны!»

Но наперед два слова о происхождении коня.

Центральное четвероногое оружие войны, животное, издавна разделяющее все рождаемые ею трудности, лишения и муки, с незапамятных времен и вплоть до наших дней, этот незаменимый, верный, безотказный и безропотный помощник человека на войне и соучастник его ратных подвигов, наш боевой военный конь — откуда он ведет свое происхождение?

В безбрежных и глухих пустынях и степях Центральной Азии живет доселе в диком состоянии один из вероятных предков и родоначальников домашней лошади: палевой масти, плотная, приземистая, коренастая, большеголовая, с короткой и стоячей гривой и без «челки», с жидким, реденьким хвостом, эта лошадка названа по имени великого исследователя Центральной Азии, **Н.М. Пржевальского**.

Встречаемая ныне небольшими косяками в заносимой летом жгучими песками, а зимою снежными буранами Джунгарии, дикая лошадь эта, некогда, в доисторические времена, большими табунами населяла степи не одной лишь Азии, но и Европы.

В ту далекую эпоху, много тысяч лет тому назад, дикие лошади преследовались первобытным человеком, как предмет охоты, а не в целях приручения: животное служило пищей и... любимой темой первобытного искусства.

Создавались и дошли до нас неподражаемые образцы изображений дикой лошади, искусно высеченные на камне, кости и на роге, гравировки и скульптуры, тонко и правдиво сделанные человеком Каменного Века.

Что касается поимки и одомашнения дикой лошади, то таковые должно отнести на времена более поздние, хотя достаточно почтенные по древности.

Известно, что на положении верховых и упряжных животных лошади были известны у китайцев за 2.000 лет до нашей эры.

Лишь значительно позднее лошади проникли в быт и древней Индии, при том по-видимому не с Востока, но через посредничество ассирийцев.

Именно у ассирийцев лошадь пользовалась издавна особенным признанием. Ее изображения, при том в самом искусном выполнении, мы всего чаще видим на древнейших ассирийских барельефах.

Все они рисуют нам животных стройных и поджарых, с маленькой сухой головкой, сильно вогнутой по профилю: так наз. «восточный» тип коня.

При этом, не в пример египтянам, которым верховая лошадь долго оставалась неизвестной, ассирийцы с самого начала пользовались лошадей в двоякой форме, и под верх, и для запряжки в «боевые колесницы».

Эти колесницы ассирийцев, были двухколесные, тяжелые и низкие, могли вмещать до четырех людей (обычно двух) включая и возницу.

Большинство изображенных колесниц рисует — или, говоря точнее, позволяет различить — **трех** лошадей и, реже, парную запряжку. Сами лошади обычно украшались яркими кистями, лентами, султанами, а удила их — золотом и серебром.

От ассирийцев пользование боевыми колесницами позднее перешло к египтянам, при том вначале, как единственный прием использования лошади в военных целях.

Эти колесницы у египтян были легче ассирийских, да и самые египетские лошади, в том виде, как они изображались на египетских рисунках, отличались легким складом. Своей рыжей, золотистой мастью эти лошади Египта явно выдают не столько прародителей арабской лошади, сколько породу, более сухую, рослую, типа теперешних «Ахал-Текинцев».

Запрягались лошади египетские парой, а не тройкой, как у ассирийцев, и помимо украшений перьями и лентами, египетские боевые лошади обычно покрывались стеганными одеялами, служившими защитой против дротиков и стрел.

О численности, о количестве египетских запряжек, или колесниц дают понятия следующие цифры.

Так, по Диодору, царь египетский **Сесострис** двинул в бой 2.700 подобных колесниц, а царь **Рамзес II** — имел их 27.000, число, которое, как добавляет автор, сообщивший эти цифры, ничего особого не представляло.

Ряд «усовершенствований» было введено в устройство этих «боевых двуколок» у других народностей античного Востока.

Так, у **персов** изредка употреблялись колесницы более тяжелые с удвоенным числом колес, **ливийцы** — первые ввели употребление особые косообразные ножи, которые, вращаясь при движении колес, крошили все встречаемое на пути.

Пунийцы (или Финикияне и карфагеняне) ввели запряжку четверней, которую позднее широко использовали, если и не для военных целей, то для конских состязаний, для спортивных целей.

Греки — мало пользовались боевыми колесницами, употребляя их охотнее для спорта (для ристалищ), чем для боевых, военных целей.

Очень показательны, что в героический период, под Троей, греки, не имевшие в ту пору конницы, имели очень мало колесниц, и то лишь для военачальников, которые к тому же при самом сражении обычно спешили и вели единоборство на виду у всего войска.

И позднее боевые колесницы не играли видной роли ни у греков, ни у унаследовавших их культуру римлян. В общем же у **римлян** колесницы выполняли только вспомогательную роль. **Галлы** последние воспользовались ими.

Общий недостаток колесниц — их малая «маневренность», непригодность для быстрых и внезапных поворотов в ходе боя, а снабжение их косообразными ножами (по системе персов и индийцев) делало такие повороты гибельными для своих же воинов, как то фактически имело место много раз, и всего ярче в знаменитой битве между Антиохом I-ым и галатами в 275 г до нашей эры.

Очень показательны, что именно у греков и египтян лошади гораздо позже стали применяться в роли верховых животных. Но не то у ассирийцев, персов и лидийцев, у которых лошадь одновременно использовалась для запряжки в боевые колесницы и под верх.

В этом различном отношении к тому же самому животному разных народов на заре культуры коренятся до известной степени причины будущих успехов, или неудач их потомков на полях сражения, поскольку в войнах древности решающую роль играла конница.

Именно в этом смысле можно было бы интересующие нас народы древности условно разделить на тех, которые с древнейших пор усвоили культуру лошади «под верх», и тех, которые лишь с запозданием переняли эту «верховую лошадь».

Сказанное, правда, не вполне относится к египтянам, которые, хотя и поздно, но вполне усвоили значение для битвы верховых коней: египетская кавалерия — как справедливо было сказано — была не из плохих. Но в данном случае народу фараонов помогло редчайшее умение приручать животных, как и вообще умение обращаться с ними; хорошо известно, что египтяне преуспевали в одомашнивании даже таких животных, приручение которых не давалось никаким другим народам.

Позднее знакомство с верховой лошастью не помешало и **арабам**, знавшим раньше только ездовых верблюдов — сделаться отличными наездниками. Но и здесь успешность усвоения верховой езды арабами не мало облегчалось их соседством с кочевыми племенами, — мастерами верховой езды.

Такими прирожденными наездниками были всего прежде древние народы, жившие в Центральной Азии и двинувшиеся оттуда к Западу и к Югу. Наводняя степи южной Азии и прилегающих частей Европы, эти племена или народы принесли с собой и лошадь, и умение верховой езды.

Особенной известностью в древнее время пользовались кони и наездники **Сарматов, Скифов и Парфян**.

Большеголовые и малорослые, лохматые скифские лошади наружностью и складом в высшей степени напоминали современных диких лошадей Джунгарии. Тем более заслуживает удивления совершенство дрессировки скифских лошадей и послушание их всаднику.

Привыкшие с самого детства к лошади и обращению с нею, скифы и сарматы были подлинными мастерами верхового дела, не нуждавшиеся ни в седле, ни в стремянах, как самые их кони не нуждались ни в узде, ни в удилах.

Вскочить на неоседланную лошадь на скаку и также быстро соскочить с коня, отстреливаться от врага с коней, несущихся карьером — было делом, столько же привычным для наездника, как для коня — умение внезапно прерывать свой бег, или пускаться вскачь по первому же требованию всадников, умевших управлять конем движением ноги и голосом.

Есть указание на то, что это несравненное искусство верховой езды было присуще и сарматским женщинам, быть может, давшим повод говорить об «амазонках».

Сходными же мастерами верховой езды были и некоторые народы Африки, как бывшие завоеватели Египта — **Гиксы**, выходцы из Малой Азии, и **Хэтты**, тоже азиатского, сирийского происхождения, долго и упорно воевавшие с Египтом и оставившие долгий и глубокий след на всей культуре этого последнего.

Не многим меньше было увлечение лошастью и верховой ездой среди народов, живших по соседству с «коннолюбями» степей, — сарматами и скифами.

Мы разумеем три главнейших государства Малой Азии, последовательно сменявшихся в своем господстве: Лидию, Ассирию и Персию.

Известно, как ценилась конница лидийская, как широко и как умело пользовались ассирийцы верховым конем, и как прославились своим искусством всадники у персов.

Но освоив лошадь, переняв умение верховой езды от кочевых народов Средней Азии, Ассирия и Персия явились в свою очередь рассадниками конницы, культуры лошади для смежных стран, и в частности, для **Индии**, которой лошадь раньше не была известна.

Совершенно иначе рисуется нам пользование лошастью у двух народов древности, которым выпало на долю подчинить себе на время одному — духовную культуру, а другому — государственную власть над миром: **Греции и Рима**.

Древними греками лошадь высоко ценилась для устройства конных состязаний, но как боевая единица лошадь очень медленно усваивалась греческой военной практикой. Известно, что во время Трои греки не имели верховых коней.

Отчасти этому пренебрежению конницей созвучны были героические взгляды древних греков на военное искусство. Хорошо известно, что спартанцы, шедшие на битву, как на праздник, отвергали пользование конем, считая, что оно несовместимо с доблестью и званием воина.

Не менее известно, что такое ложное воззрение, пренебрежение конницей, повторно приводило Спарту к жесточайшим поражениям.

Вот, почему вначале греки не имели кавалерии. Даже Афины времени Солона обладали конницей, не превышавшей несколько сот голов.

Ничтожная по численности эта греческая конница не отличалась лихостью. Один знаток всего касавшегося лошади, писатель-полководец **Ксенофонт**, передает, что при одном из столкновений греков с персами — многие греческие всадники попадали с коней, переломив при этом свои копыя.

Реформировать, поднять роль кавалерии у греков — выпало на долю **Александра Македонского**, успешно положившего начало «Македонской Коннице».

Когда же было введено деление конницы на часть, более легкую, подвижную («разведочную») и тяжелую, способную большими массами обрушиваться на врага.

Долгие годы, вплоть до завоевания Греции Римом — эта тяжелая македонская конница была могучей силой, способной опрокинуть самые сплоченные ряды пехоты.

Высшей пробой македонской конницы были повторные ее победы над персидским войском и не только в схватках с боевыми колесницами (увековеченных известной фреской, закрепившей битву Александра с Дарием при Иссе..), но и над персидской конницей, объединившей всадников тогдашней ближней Азии.

Римская конница не отличалась ни количеством, ни качеством. И это не смотря на то, что в Риме со времен царей был выделен особый класс, так наз. «Всадников». Но это было больше звание почетное, чем связанное с родом войска и оружия. «Всадники», римская аристократия, не отличалась высотой искусства верховой езды.

Римские всадники были настолько неуверенны в себе, что при начале боя часто спешивались и вели его в пешем строю. Римские всадники были не более, как «пехотинцы», сидевшие на лошади.

Подобно всем античным всадникам и римляне, сидя на лошади, не пользовались стременами. Чтобы влезть на лошадь, римляне пользовались то копьём, то гривой, то особыми для этой цели установленными каменными тумбами, расставленными вдоль дорог, и за сохранностью которых наблюдал особый штат чиновников.

Отчасти технике посадки на коня содействовала специальная дрессировка лошадей, их приучение ложиться на землю.

Такое слабое состояние римской конницы было отчасти непосредственной причиной многих поражений римлян при их столкновениях с карфагенянами, в битве при Тунисе (месте пленения консула **Регулуса**), при Требии, при Тразименском озере, при Каннах, как и при повторных неудачах при сражениях с парфянами.

Это значительное превосходство конницы у «варваров» (так назывались римлянами все не-римляне, как и обратно, греки, даже жившие в Италии, как террентийцы, называли «варварами» самих римлян...) вынудило римлян пополнять свои кавалерийские войска за счет гораздо более искусных к верховой езде дакийцев, галлов или нумидийцев.

Оценив искусство гальской конницы, римские кесари формировали за счет них свои гвардейские полки, так наз. «преторианцев». И не даром **Верцингеторикс**, вождь галлов, перед битвой с римлянами, обратился к своим воинам с уверенными, гордыми словами: «Римская конница никогда не посмеет вас атаковать!».

Переходя к последующим эпохам, следует отметить колоссальное значение лошади и всадника в трех выдающихся событиях, оставивших глубокий след во всей последующей истории.

Мы разумеем здесь **Переселение народов**, **Рыцарство** («крестовые Походы») и **Завоевания Арабов**.

Каждое из этих трех событий возымело крупное влияние на судьбы европейской конницы.

Всего труднее оценить это влияние для первого из них, той грандиозной передвижки населения трех материков, — Европы, Азии и Африки, которая известна под названием «Великого Переселения Народов».

И действительно, если в итоге вековой (375-476) перетасовки наций и народностей трех континентов получилось невообразимое смешение племен и рас теперешней Европы, делающее бессмысленным и беспредметным ее «расовые» разделения, — то, что сказать о сходном же смешении «кровей» и рас четвероногих спутников этих переселенцев?

Если проникавшие из Африки народы, в частности **вандалы** под водительством Гензериха, могли содействовать подъему европейской конницы, если тому же посодествовали **готы** с их разноплеменной и победоносной конницей, то что сказать о **гуннах**, под водительством Атилы?

И, однако, самый факт, что эти грандиозные передвижения народов и сопровождавшие их битвы были бы немислимы без лошади, только подчеркивает лишний раз громадную культурно-историческую (не всегда, конечно, положительную!) роль коня и конницы.

Еще понятнее, бесспорнее влияние средневекового **рыцарства**.

Известно, что во времена феодализма, государь страны, при созывании феодалов требовал их «явки на коне». Ходить «пешком» — считалось в высшей степени зазорным и образование молодого человека мыслилось «законченным» лишь при условии, что он вполне усвоил «благородное искусство верховой езды».

За всю эпоху рыцарства, в течение пяти веков, лошадь стояла на вершине славы и признания. Употреблялись лошади по преимуществу тяжелые и рослые, способные нести тяжелые доспехи всадника и броню, защищавшую и самого коня.

По мере огружения этой двоякой брони, стали разводить коней, все более массивных, лошадей «холодной крови», наиболее удобных для езды. Только на время боя эти годные лишь для похода лошади сменялись на других, «горячих» боевых коней, которых слуги рыцарей вели на поводу. Они же, конюхи и слуги, не участвовавшие в сражении, держали наготове (справа) запасных коней.

Садиться на кобылу — считалось рыцарями за «бесчестие».

Итоги многовекового культа лошади определенного лишь типа отразились на составе конницы Европы того времени: преобладали лошади тяжелые, массивные, напоминавшие порой теперешних тяжеловозов, с грубым, выпуклым, пологим профилем (стиль лошади так наз. «Западного» типа и «холодной крови».)

С двух сторон этому типу лошади был нанесен удар, с Востока, как и с Запада.

«**Крестовые Походы**» двинувшие тысячи так наз. «крестоносцев» на Восток, сделали то, что наряду с другим награбленным имуществом было доставлено в Европу много лошадей восточной крови.

Распадение государства Мавров на Пиренейском полуострове и оживление торговых связей с Зап. Европой помогли распространению восточной лошади в последней.

Вместе взятые обе причины эти, именно влияние рыцарства (Крестовые Походы) и влияние Мавров, не замедлили сказаться на составе европейской конницы: уже к концу 13-го века тип кавалерийской лошади, ее убранство и доспехи рыцаря совсем другие, явно облегченные по типу мавританской, вообще арабской конницы.

Эта последняя, как таковая, правда, лишь недавнего происхождения, поскольку основным животным для передвижения в пустыне у арабов издавна считались лишь верблюды.

Так еще во время Магомета коневодство было мало популярно у арабов. Но в связи с религиозными, захватническими войнами арабов роль их лошади необычайно возросла и с той поры арабская порода получила громкую известность.

Именно за счет арабской лошади (— а по новейшим данным и за счет других восточных рас, именно более рослых, стройных и осанистых «Ахал-Текинцев», Карабахов и Персидских лошадей...) с сухим строением и тонким профилем, произошла реформа рыцарской тяжелой лошади и приближение ее к новейшим расам и породам.

Правда, что еще в эпоху **ГЕНРИХА IV-го** и **Валленштейна**, наряду с более легкой конницей, служившей для разведок, сохранилась и тяжелая для облеченных в латы кирассиров, но, чем дальше, тем последние все больше уступали место первым, больше полагавшимся на огнестрельное оружие, чем на холодное вооружение и броню.

Останавливаться ближе на последующих судьбах конницы, ее делении на гусаров, на уланов и драгунов — нет особых оснований, потому что этому разнообразию деления не соответствовала разнородность типов

лошадей, сводившихся к двум основным: тяжелой кавалерии для боя и другой, более легкой — для несения разведок.

Минуя роль коня и всадника во время первой империалистической войны, мы, к сожалению, лишь кратко остановимся на героической странице из истории нашей великой Родины, — на образовании Первой Конной Армии в незабываемые первые годы нашей Революции.

Мы не имеем здесь ввиду касаться исторических побед этой овечьей славы «Первой Конной Армии».

Не будь этих побед — мы не беседовали бы сегодня с Вами, ибо именно на долю «1-ой Конной» выпала тогда решающая роль на южном фронте, при защите главного его оплота, именно Царицина, теперешнего **Сталинграда**, от белогвардейских и белоказацких войск.

Об этих подвигах конноармейцев знает вся страна, о них писали величайшие ее вожди и, разумеется, не мне пытаться пояснять и дополнять написанное ими.

Да и цель нашей беседы — не история наших гражданских войн, а «Роль Коня в Истории Войны». И лишь поскольку мы в создании Первой Конной Армии имеем дело с совершенно новым начинанием, уместно и необходимо беглым образом остановиться и на ней.

Едва ли нужно говорить, что в изложении своем я буду опираться на крупнейшие авторитеты по вопросу о советской коннице, а в частности и «Первой Конной», приводя суждения ее организаторов-вождей.

В чем же новаторская сущность Первой Конной Армии?

Эту особенность наш Маршал **К.Е. Ворошилов** всего прежде видит в том, что то «был первый опыт сведения кавалерийских дивизий в такое крупное соединение, как армия».

Подобных конных армий не было в истории войны: были полки, были дивизии, но конных армий не существовало.

Это — во первых. Самый численный состав объединенных в Армию конных бойцов, насчитывавший до 12 000 сабель.

И, однако, дело не в одних лишь цифрах.

И для уяснения второй особенности Первой Конной Армии, мы обратимся к разъяснениям другого создателя ее — именно Маршала **С.М. Буденного**.

Одной из основных особенностей Первой Конной Армии является, по указанию маршала **Буденного**, — ее пронизывание современной техникой.

Техническое оснащение, «механизирование» конницы, при том не в виде лишь надставки или дополнения «кавалерийского ядра», но в форме органического и насквозь пронизывающего ее элемента, конной артиллерией, конно-саперами, — вот, в чем, по указаниям **С.М. Буденного**, следует видеть важную особенность структуры Первой Конной Армии и важные условия ее успеха.

Следующая особенность — по указанию маршала **Буденного**, универсальность навыков бойцов-красноармейцев, обязательность умения действовать, как в конном, так и пешем строю, быть готовым для решения «любых боевых задач», и для разведки, и для завязки боя, и для массовых ударов, и для неустанный преследования врага.

И, наконец, последняя особенность тогдашней «Первой Конной» — это добровольческий состав ее первоначального ядра, тот знаменательный и беспримерный факт, что мощная, всепокрушающая Армия сложилась в продолжение какого-нибудь года из красногвардейских партизан и добровольцев, через обрастание их последующим регулярными формированиями.

И несомненно, что причина этого успеха заключалась всего прежде в революционном классовом составе Армии, в талантах выдающихся ее вождей, Луганского рабочего-металлиста Клим **Ворошилова**, тов. **С.М. Буденного** и подлинного создателя «Первой Конной» — **Иосифа Виссарионовича Сталина**.

К ним, этим именам, уже тогда овеянным признанием и славой, шли, тянулись отовсюду добровольцы под девизом и под лозунгом «к Буденному!»

Взятые вместе приведенные черты и свойства «Первой Конной» делали то, что не в пример упадку, загниванию конницы врагов, на долю Красной Конницы пала эпоха небывалого расцвета.

Выясняя современный, т.е. отвечающий новейшим требованиям тип бойца-кавалериста, мы согласно группировке, сделанной маршалом **Буденным**, можем исходить из следующих четырех различных типов всадников:

1. — **тяжелый всадник**, «грузный человек на грузной лошади», закованный в тяжелые доспехи, латы рыцарей, кирасы кирасиров. Это — по удачному обозначению маршала **Буденного** — «подобие живого танка». Действие «накоротке», атака рысью и лишь под конец — бросок карьером на коротком расстоянии.

Действие грубым, лобовым ударом, «стенкой».

Недостатки: Малая маневренность и неспособность к пешему строю, для разведки и преследования врага.

Прекрасный образец такой атаки мастерски изображен французским живописцем Мейссонье, в его картине, представляющей «Фридландское сражение», а пером — в «Войне и Мире» — знаменитое описание **Толстым** стремительной атаки русских кавалергардов в сражении при Аустерлице.

2. — **конница легкого типа**. Сюда относится легкая конница древних восточных народов, древних эллинов, отчасти македонцев, персов, мавров; современные гусары и уланы.

Все это — легкие всадники, легко вооруженные, на легких и подбористых конях.

Манера действия: быстрота, маневренность. Атака распадается на ряд отдельных операций: натисков и отступлений. «Окружить врага, отрезать мелкие его части и вырубить их, при неудаче быстро рассыпаться и собраться вновь на другом направлении» (**С.М. Буденный**)

Недостатки: Малая пригодность для ведения боя в пешем строю. Образец подобных операций хорошо изображен **Толстым** в «Шенграбенском сражении» (в «**Войне и мире**»), живописно — бесконечно много раз в картинах, представляющих «групповые схватки» всадников разных народов и эпох, особенно в 17-19 века.

3. — **«Конные пехотинцы»**. — Конь — более, как средство для передвижения, чем орудие боя, проводимого обычно в пешем строю, при котором склад коня или телосложение всадника особой роли не играет.

Именно к подобным «пехотинцам на коне» относятся древние эллины (**не** Македонцы!), римляне а из новейших — Буры.

Недостаток этой «ездящей пехоты» в том, что это, строго говоря, не конница, а именно пехота, мало приспособленная к бою на коне. «Вырождающаяся конница» — по выражению маршала **Буденного**. И, наконец

4. — **«Средний тип»** — Драгуны. Всадник, приспособленный к ведению боя мощным, сомкнутым ударом в конном строе и на положении пехотинца в рассыпном. Отсюда требования к внешним данным и коня, и всадника: не слишком грузные объемы и пропорции, условия, которые для лошади особенно успешно выполняются конями типа наших «Дончаков» и множество степных пород.

Этот последний тип кавалеристов, «средний» по обозначению Маршала **Буденного**, является самым жизнеспособным, наиболее универсальным, одинаково пригодным для «завязки» боя и для нанесения массовых ударов, для рекогносцировок, и для преследования врага.

Такая широта, универсальность требований конницы определяется по указанию маршала **Буденного** ее задачей: затруднить «создание сплошных фронтов», не дать войне **маневренной**, сделаться «**позиционной**».

Конница — носительница идеи «подвижных войск».

Конница — для «маневренной войны».

Эти два тезиса маршала **Буденного**, положенные в основание организация **первой конной армии**, блестяще оправдались в ее славном прошлом.

На этом беглом очерке структуры и особенностей Первой Конной Армии, изложенном на основании высказываний ее творцов, возможно было бы закончить нашу лекцию, если бы не властная потребность увязать ее фактическое содержание с более общими вопросами и жгучими, очередными требованиями момента.

Обращаясь к наиболее простым, ближайшим выводам нашей беседы, можно видеть, как различно было применение коня в различные эпохи, в разных странах, а порой в одно и то же время у того же самого народа. Как влияли на пути и формы применения коня в военном деле факторы или причины совершенно неожиданного свойства: стоит только вспомнить длительное игнорирование египтянами верховой езды, или упорное пренебрежение ею древними евреями.

И, как различно было применение коня, — так же различны были и породы, часто отражавшие на своем облике этапы материальной и отчасти умственной культуры данной местности или эпохи.

Стоит сопоставить выхоленного арабского коня и беспородного степного гуннов, грузного коня эпохи рыцарства и стройного Ахал-Текинца, вероятного родоначальника и кровного араба, и английской скаковой и знаменитых Карабахов...

Но входить в детали описания или даже перечня пород военных, боевых коней — не может быть итогом настоящей лекции.

Тем более интересует нас иной вопрос: Соотношение и связь коня и всадника в ландшафтно-историческом разрезе.

И действительно, чем объяснить, что с незапамятных времен культура лошади оказывалась приуроченной к двум центрам: Южной Франции, Испании и к Ближнему Востоку?

Почему первейшими наездниками древности считались племена юго-восточных областей Европы, как **сарматы** и **парфяне**, а на юго-западной ее окраине — **галлы** или **иберийцы**?

Да не потому ли, что и там, и здесь, на крайнем юго-западе, как и в юго-восточном уголке Европы, или в прилегающих районах Азии, мы вправе видеть очаги одомашнения лошади за счет ее былых природных диких предков.

В необъятных табунах дикие лошади бродили некогда в степях Европы ледникового периода, как и ныне еще носятся они в снегах, или песках Джунгарии, у Кобдо, оттесненные туда распашкой степи, заселением пустыни...

И, как в жизни каждого из нас, действительное мастерство профессии слагается только на почве длительного опыта и ранних интересов, так в истории человечества культурные и бытовые навыки тем совершеннее и легче прививаются народам, или нациям, чем более они увязаны с природой края и чем более они созвучны не одним рассудочным, но и эмоциональным, чувственным влечениям его исконных обитателей.

И как нашим поморам, относительно недавно заселившим наш далекий Север, трудно конкурировать по мастерству с исконными «потомственными рыбаками» Каспия, как альпинистов рациональнее выращивать из жителей не тундры, а гористых стран, так и «природных конников», «потомственных кавалеристов», следует искать на родине коня, а не в местах его вторичного импорта или расселения...

И в этом смысле достижения русской конницы, точнее конницы нашей Великой Родины, нетрудно оттенить географическим ландшафтом.

Да и то сказать! Где, кроме нашей необъятной Родины, от приднепровской степи до степей Бурятии, от Приуралья до Кубани, местный конь в такой же степени неотделим от своей Родины, как и природный его всадник?

Не случайно именно последний так реалистически и ярко закреплен в художественных образах наших великих гениев пера — **Толстого, Лермонтова, Пушкина, Тургенева и Гоголя!**

Но кто они, так поэтически и метко обрисованные образы Остапа и Андрия, и Лукашки, и Хаджи-Мурата? Так правдиво оттененные природными ландшафтами Кубани и Днепра?

Так метко и правдиво, что и конь, и всадник кажутся стихийно сросшимися то с необозримой степью, то с недосыгаемой кручью гор?

Да, кто они, эти, пусть не всегда герои, но всегда отважные наездники — казаки **Гоголя** и **Пушкина**, смелые горцы **Лермонтова** и **Толстого**?

Не прямые ли они преемники народов, колебавших некогда устои римского владычества?

По мастерству владения конем эти теперешние горцы и казаки, — разве не наследники Сарматов и Парфян, ломивших стойкость римских легионов?

Не о кровной, племенной преемственности говорим мы здесь (— хотя и в таковой, в происхождении от культурной нации, громившей римских деспотов, нет ничего зазорного!) — но о преемственности навыков, искусства верховой езды и — что не менее существенно — и важно — о наследовании страсти, мании к конному делу.

Что же удивительного, если в результате этой долгой культивации коня и всадника сложились те миллионы прирожденных «конников», которые, как древние сарматы и парфяне, проводили добрую пол-жизни на коне!

Неудивительно и то, что именно из них, из этого народа, вышли два тысячелетия спустя великие новаторы кавалерийской практики, создатели той **«Первой Конной»**, от которой непосредственно зависела судьба «Южного Фронта» и завоевания нашей Великой Революция?! Что же удивительного, если на призыв вождей, со всех сторон, с Донбасса и Кубани и Поволжья потянулись добровольца на своих конях под лозунгом **«к Буденному!»**...

Но даже более того. Именно здесь уместно беглым образом коснуться отношения между развитием военной конницы и спортом.

Если Англия может указать в военной истории на самые блестящие кавалерийские дела, то только благодаря тому, что она исторически развивала в себе эту силу и животных, и людей.

Так высказался в знаменитом описании царско-сельских скачек у **Толстого** («Анна Каренина») отрицательный его герой.

Но так ли это? Не сказала ли в этой «хорошей», «умной» реплике Каренина больше находчивость придворного, чем историческая правда?

Признавая историческую давность конских состязаний в Англии (практиковавшихся еще при короле Ричарде 1-ом), признавая именно за Англией решающую роль в развитии этого спорта, положительную (улучшение лошади) и отрицательную (поощрение азарта), — нелегко понять, каким путем доступная активно лишь ничтожнейшему меньшинству людей богатых, или их прислужников, жокеев и тренеров, практика езды и обращения с конем, могли сказаться на английской коннице, на массовом кавалеристе, а не только кучки аристократического офицерства...

Да и где, когда сказались эти «самые блестящие кавалерийские дела» в истории английских войн? Не падает ли большинство этих успехов конницы на время рыцарства и на его исходе, чтобы много позже выявиться на равнинах Фландрии во время первой империалистической войны.

Известно, между тем, что ценность конницы времен феодализма была связана с эпохой рыцарства, отнюдь не приуроченного к Англии, что самый тип его коней сложился под влиянием не «скачек» а «турниров», бывших достоянием лишь избранного меньшинства: известно, что во времена феодализма рыцарские, конюхи и слуги не участвовали в сражении, лишь помогая «господам» при облачении в доспехи и при смене боевых коней...

Когда же с угасанием рыцарства и с появлением наемников открыт был доступ к коннице и прочим классам населения, как в Англии во времена гражданских ее войн, то мы и здесь едва ли в праве усмотреть какую либо связь между победой кромвелевских эскадронов и их «преданностью спорту» конских скачек: битые повторно ставленники короля, так называемые «кавалеры», были более спортсменами, чем разночинные сторонники «великого диктатора».

В том виде, как веками культивировался конный спорт у англичан в форме активного участия в нем только «верхнего десятка тысяч» — роль этого спорта для военной конницы, как массового войска, неизбежно ограничена.

Насколько иначе сложилась школа верховой езды, культура лошади и увлечение конным делом на Востоке!

Долгими веками, на громадном протяжении от Дуная до Даурии усердно культивировалась лошадь, процветало увлечение конем, умение пользоваться им, при том не как прерогатива феодалов и спортсменов, но как неотъемлемая часть народно-массового быта.

Что же удивительного, если страсть к коню, общение с конем и соответственные навыки так широко проникли в массы нашего народа, и не только там, где, как у горцев, давняя культура лошади граничат с ее культом, но и там, где роль ее гораздо более проста и прозаична?

И не даром наши величайшие писатели стихом и прозой, нам знакомыми со школьных лет, так поэтически и метко закрепили эту страсть и эти навыки.

Эта граничащая с фанатизмом страсть к коню у Лермонтовских горцев, страсть к коню, готовая на преступление; — это умение пользоваться неоседланным конем у деревенских мальчиков, так восхищавшая **Тургенева**, и смелость в обращении с конем великорусской женщины, воспетая **Некрасовым** («Коня на бегу остановит»), — где, в какой другой стране, кроме России, можно было бы найти подобия этих картин и образов?

Не потому ли именно на долю конницы повторно выпадала наиболее решающая роль на поворотных пунктах нашей многовековой истории!

От заолевших льдов Чудского озера и далее Куликова поля до Москвы 1812-го года, до Полтавы 1709-го, отсюда до Бородина двенадцатого года, — не ударами ли конницы определялся если не исход, то перелом сражений?

Попробуйте мысленно лишить могучей конницы русскую рать на этих четырех-пяти трагических и славных поворотах ее прошлого, попробуйте лишить коней ее руководителей, и героические образы последних — **Александра Невского**, **Дмитрия Донского**, князя **Пожарского**, **Петра Великого**, **Багратиона** потеряются в своем реальном историческом и бытовом аспекте...

Но не то же ли и за последние сто тридцать лет?!

Лишите боевых коней фигуру **Скобелева** в замечательном отображении его пером и кистью братьев **Верещагиных**; — **Брусилова** — на Галицийском фронте первой империалистической войны; — **Котовско-го** или **Чапаева** во дни гражданских войн, — и как поблекнут краски всех этих имен, пусть несравнимых персонально, но в различной мере подготовивших успехи конницы на поворотных рубежах нашей истории и вплоть до наших дней — Великой нашей обороны...

Близкие и дорогие каждому сыну России эти имена особо дороги для нас теперь в тяжелый судный год нашей Великой Родины, когда решается ее судьба, а вместе с ней — увь! — не в первый раз ее лишь жертвами и славой — судьбы остальной Европы, судьбы мира.

И не потому ли огненными буквами записаны в истории нашей Великой Отечественной Войны блестящие победы нашей Красной Конницы и имена ее отважных победителей-вождей — **Доватора**, **Панфилова**, **Белова**, — конные разгромы немцев под Москвой и на Кубани.

Да и то сказать: Если в победах Красной Кавалерии над вражьей конницей сказалось всего прежде превосходство русского ума и сердца, — то лишь в оттенении любви славян к коню, как «прирожденных конников» и мастеров конного строя.

Существует древняя восточная пословица: «Когда человек падает духом, его конь не может скакать!»

Сложившаяся в глубочайшей древности в просторах беспредельных далей и свободной жизни кочевых народов, эта поговорка оправдалась в наши дни, в век Авиации и Радио.

В переживаемые нами грозно-героические дни разгрома немцев под Москвой, на приступах к Можайску, на просторах придонских степей, Поволжья и Кубани, наша конница скакала потому неплохо, потому громила неизменно армии противников, что за испытанными качествами наших боевых коней — стоял великий, гневный и неугасимый дух **великого народа** и его **великого вождя!**
